O.V.K — X.T.R

ГЕРМЕТИЗМ

ЕДИНСТВО, СООТВЕТСТВИЕ И МЕРА

УЧЕНИЕ, ПРИЁМЫ И РАЗБОР ДРЕВНОСТИ

O.V.K — X.T.R

ГЕРМЕТИЗМ

УЧЕНИЕ ГЕРМЕСА ТРИЖДЫ ВЕЛИЧАЙШЕГО

Изложение учения, приёмов и его истории —
от александрийских свитков и «Скрижали»
к Фичино, к розенкрейцерам и к «Кибалиону»

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«То, что вверху, подобно тому, что внизу; и то, что внизу, подобно тому, что вверху, — ради совершения чуда единой вещи».

— «Изумрудная скрижаль», в русском изложении

✶

Книга писана для того, кто читает эти тексты,
а не для того, кто судит о них издали.
Учение изложено как учение,
история — как история,
и одно не подменяется другим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ЕСТЬ ГЕРМЕТИЗМ

I. Что такое герметизм 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Гермес Трижды Величайший 5
V. Герметический свод 6
VI. «Изумрудная скрижаль» 7
VII. «Асклепий» и учёный герметизм 8
VIII. Чем герметизм не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УЧЕНИЕ

IX. Единый и Всё 11
X. Ум и слово 12
XI. Соответствие 13
XII. Нисхождение человека 14
XIII. Возрождение души 15
XIV. Знание как спасение 16
XV. Судьба, звёзды и свобода 17
XVI. Молчание и передача 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕЛАНИЕ

XVII. Алхимия как путь 20
XVIII. Астрология соответствий 21
XIX. Талисман и образ 22
XX. Имена и звучание 23
XXI. Обряд герметиста 24
XXII. Молчание, дыхание, созерцание 25
XXIII. Толкование образов 26
XXIV. Ступени ученичества 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ИСТОРИЯ

XXV. Александрия 29
XXVI. Арабская передача 30
XXVII. Фичино и 1463 год 31
XXVIII. Магия Возрождения 32
XXIX. Казобон и 1614 год 33
XXX. Розенкрейцеры 34
XXXI. Ньютон и наука 35
XXXII. «Кибалион» и семь начал 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Что доказано о древности 38
XXXIV. Мнимые древности 39
XXXV. Соответствие как приём и как ошибка 40
XXXVI. Чего герметизм не может 41
XXXVII. Герметизм и герменевтика 42
XXXVIII. Правила читающего 43
XXXIX. Правила упражняющегося 44
XL. Заключение: единство и мера 45

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧТО ЕСТЬ ГЕРМЕТИЗМ

Кто такой Гермес Трижды Величайший, что писано в его книгах
и отчего эти книги дважды переворачивали
учёный мир Европы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое герметизм

Герметизмом зовётся круг учений, возводимых к Гермесу Трижды Величайшему: о единстве всего сущего, о соответствии верхнего и нижнего, о божественном уме и о восхождении души через знание.

Круг этот двойствен с самого начала, и различать в нём надлежит две стороны.

Учёный герметизм — трактаты о боге, мире и человеке, писанные как беседы наставника с учеником. Здесь речь о созерцании, о возрождении души и о знании, спасающем знающего.

Действенный герметизм — сочинения о звёздах, травах, камнях, образах и составах: астрология, алхимия, изготовление талисманов. Здесь речь о том, как воспользоваться связями вещей.

Обе стороны стоят на одном основании — на учении о соответствии, — и оттого считаются одним преданием, хотя писались разными руками и в разное время.

Оттого книга разделена так. Часть вторая излагает учение так, как оно изложено в самих текстах. Третья — о делании. Четвёртая — история: откуда взялись эти книги и что с ними сталось. Пятая — граница: что установлено о их древности и чего это учение не может.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

Имя учения происходит от Гермеса — и здесь же кроется путаница, которую надлежит развести сразу.

Гермес греческий — вестник богов, покровитель дорог, торговли, воров и толкователей. От него, от глагола *hermeneuein* — истолковывать, — идёт слово «герменевтика», о коей писана отдельная книга.

Гермес Трижды Величайший — иное лицо: греко-египетское божество, соединившее черты Гермеса и египетского Тота, писца богов, владыки письма и счёта. От него — «герметизм».

Оба слова родственны по имени и различны по существу: *герметизм есть учение, герменевтика — искусство толкования*. Смешивать их — обычная ошибка, и об этом — глава тридцать седьмая.

Есть и третье производное, вошедшее в обиход: *герметический* в смысле «плотно закрытый». Оно идёт от алхимического сосуда, запечатанного «печатью Гермеса», и к учению отношения не имеет — хотя намёк на закрытость прижился и здесь.

Держаться будем различения твёрдо: *герметизм* — свод учений; *Свод*, или Корпус, — собрание трактатов; *герметическая философия* — то, во что это обратилось в Возрождении.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

Всё учение стоит на трёх положениях; они повторяются в текстах разными словами и сводятся к следующему.

Первое: единство. Всё сущее есть одно; многое есть проявление единого. Бог не вне мира, а объемлет его; мир не отделён от своего начала.

Второе: соответствие. Части подобны целому, нижнее подобно верхнему. Человек есть малый мир, повторяющий устройство большого; оттого по одному познаётся другое.

Третье: ум. Основание сущего есть *ум*, а не вещество; вещи суть мысли, ставшие плотными. Оттого путь к началу лежит через познание, а не через жертву: знающий восходит.

Из трёх положений выводится и созерцание, и делание. Из первого — учение о восхождении души; из второго — астрология, алхимия и талисманы; из третьего — убеждение, что знание преображает знающего.

Заметим наперёд то, о чём в главе тридцать пятой: *соответствие есть приём мысли, а не доказательство*. Оно даёт язык для описания связей и не даёт способа отличить связь действительную от воображённой.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Гермес Трижды Величайший

Кто он был, по преданию, и кем оказался при разборе — два разных ответа, и оба стоит знать.

По преданию. Древний мудрец Египта, современник Моисея или старше его; законодатель, изобретатель письма, учитель жрецов. Ему приписывали тысячи книг обо всём: о богах, о звёздах, о врачевании, о составах.

Прозвание «Трижды Величайший» толковали по-разному: как высшую степень величия; как соединение трёх достоинств — философа, жреца и царя; как знание трёх частей мудрости — астрологии, алхимии и богословия.

По разбору. Гермес Трисмегист есть *соединение имён*: греки, придя в Египет, узнали в Тоте своего Гермеса. Египетское «Тот дважды великий» обратилось в «трижды величайшего», а вокруг имени сложилось предание об учителе древности.

Что это меняет. *Для* истории — всё: автор оказывается собирательным. *Для* учения — меньше, чем кажется: тексты остаются теми же, и читать их можно, не решая вопроса об авторстве.

Оттого в этой книге принят порядок, обычный для собрания: *сперва учение как оно есть, затем история как она была*.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Герметический свод

Главное собрание герметических текстов известно под именем Герметического свода: семнадцать трактатов на греческом, писанных как беседы.

Первый и знаменитейший — «Поймандр». В нём наставник, назвавшийся Умом Всевышнего, открывает вопрошающему видение творения: свет и мрак, слово, вышедшее из света, семь правителей — планетные сферы, — и человек, сотворённый по образу и сошедший в природу.

Тринадцатый трактат — о возрождении: ученик рождается заново не телом, а умом, изгоняя из себя двенадцать мучителей и принимая десять сил.

Прочие рассуждают о едином и многом, о боге как об уме, о безмолвии, о том, отчего зло не от бога, о восхождении души через сферы.

Общий строй един: наставник — ученик; вопрос — ответ; призыв к молчанию в конце. Это не рассуждение для убеждения, а *наставление для посвящаемого*, и читать его следует так.

Сюда же примыкают выдержки у Стобея, отрывки из Наг-Хаммади и позднейшие сборники под тем же именем. Собрание это никогда не было единой книгой — оно складывалось веками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Изумрудная скрижаль»

Знаменитейший текст всего предания короток — менее страницы — и содержит в себе всё учение о соответствии.

По преданию, он был начертан на изумрудной плите, найденной в гробнице Гермеса; известен же по арабским рукописям, откуда переведён на латынь в Средние века.

> То, что внизу, подобно тому, что вверху,
> и то, что вверху, подобно тому, что внизу,
> для совершения чуда единой вещи.

Далее в нём говорится о единой вещи, рождённой от одного помышлением; о солнце как отце и луне как матери; о разделении тонкого от плотного, совершаемом с великим искусством; о восхождении от земли к небу и возвращении на землю.

Как это читали. Алхимики — как зашифрованное описание Великого Делания: разделения, очищения и соединения. Философы — как краткое изложение учения о единстве. Обе стороны находили в нём своё, и текст выдерживал оба чтения.

В этом и состоит его сила, и о ней стоит сказать прямо: *краткость и тёмность делают текст вместительным*. Всякий век прочитывал в нём себя — и оттого он пережил все толкования.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Асклепий» и учёный герметизм

✷

«Асклепий» — трактат, сохранившийся на латыни и известный Средним векам, когда греческий Свод был забыт. Оттого он и повлиял на Запад раньше прочих.

Гермес наставляет Асклепия о боге, о мире и о человеке. Здесь и знаменитое место о человеке как о «великом чуде», стоящем между богами и тварями и причастном обоим.

Место об идолах. В трактате говорится о том, что люди *изготовляют богов* — статуи, в которые вселяется сила и которые прорицают. Место это смущало христианских читателей и было предметом спора у Августина, который приводил его с осуждением.

Плач о Египте. Другая знаменитая часть — пророчество о том, что придёт время, когда храмы опустеют, боги оставят землю и Египет станет гробницею. Место это читалось как предсказание и придавало текстам вид глубокой древности.

Заметим для дальнейшего: именно «Асклепий» и цитаты у отцов Церкви поддерживали в Средние века убеждение, что Гермес — древний мудрец, предвозвестивший истину. На этом убеждении и вырос ренессансный герметизм, о чём часть четвёртая.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем герметизм не является

Отсечём лишнее, ибо имя это приписывают всему подряд.

Он не есть египетская религия. Тексты писаны по-гречески, в греко-римском Египте, и мыслят понятиями греческой философии. Египетского в них — имя и обстановка.

Он не есть единое учение. Свод собирался столетиями и содержит несогласные между собою взгляды: где мир благ и божествен, где — темница души.

Он не есть тайное общество. Никакой преемственной цепи посвящений от Гермеса не прослеживается; общества, объявлявшие себя герметическими, возникали в Новое время, о чём глава тридцатая.

Он не есть наука о природе. Соответствие не даёт проверяемых предсказаний; о том — глава тридцать пятая.

И он не есть «Кибалион». Сочинение это издано в 1908 году и излагает семь начал, которых в древних текстах нет. О нём — глава тридцать вторая; и это не хула, а различение.

Что же он есть? *Собрание греко-египетских текстов о единстве, соответствии и уме — и выросшее из них европейское предание*, дважды оживавшее и дважды менявшее облик.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УЧЕНИЕ

Единый и всё, ум и слово, соответствие,
нисхождение и возрождение души —
изложенные так, как изложены в самих трактатах

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Единый и Всё

Первое положение учения: сущее едино. Бог есть и *единое*, и *всё*; многообразие мира не отменяет единства, а обнаруживает его.

Тексты настаивают на этом до противоречия: бог зовётся и безымянным, и носящим все имена; и незримым, и явленным во всём. Противоречие здесь не небрежность, а приём: *о едином нельзя сказать, не разделив, а всякое разделение его искажает*.

Отсюда и способ речи, свойственный этим книгам: через отрицание. Бог не имеет величины, места, времени, страсти; он не рождён и не рождается; о нём вернее сказать, чем он не является.

Отсюда же и мысль о мире: он не противен богу и не отделён от него. Мир зовётся «сыном» и «вторым богом» — и в этом отличие герметизма от учений, полагающих вещество злом.

Впрочем, единодушия и тут нет: в иных трактатах тело зовётся темницею, а восхождение состоит в избавлении от него. Свод собирался долго и хранит следы разных школ, о чём сказано в главе восьмой.

Для читающего отсюда правило: *не искать в Своде единой системы*. Это собрание бесед, а не учебник, и всякий трактат следует читать сам по себе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Ум и слово

Второе положение: основание сущего есть *ум*, а не вещество. Мир помыслен прежде, чем стал.

В «Поймандре» это изложено видением. Сперва свет; из света — *слово*, которым отделяются стихии; ум-творец создаёт семь правителей — сферы планет, — и их вращением движется мир.

Что означает «ум». Не рассудок человека, а начало, из коего рассудок происходит; в текстах он именуется отцом. Человеческий ум есть его частица, и оттого способен его познать: подобное познаётся подобным.

Что означает «слово». Не речь, а *разделяющее и устрояющее начало*: то, чем неразличённое становится различённым. Родство этого понятия с началом Евангелия от Иоанна замечено давно и много обсуждалось.

Следствие для человека. Раз основание есть ум, то путь к началу лежит через познание, а не через жертву и не через закон. Отсюда учение о знании, спасающем знающего, о чём глава четырнадцатая.

И отсюда же — высокое положение человека в этих книгах: он не раб и не тварь среди тварей, а причастный уму и потому способный к восхождению.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Соответствие

Третье и самое известное положение: *как вверху, так и внизу*. Части подобны целому, малое повторяет великое.

Как это понимали. Человек есть малый мир: его тело отвечает стихиям, части его — знакам зодиака, семь его начал — семи планетам. Государство подобно человеку, дом — государству, а всё вместе — небу.

Что отсюда выводили. Возможность познавать одно через другое: по устройству человека судить о мире и обратно. И возможность *действовать*: тронув одно, задеть соответствующее ему в другом, — на этом стоят талисман, астрология и алхимия.

Отчего это убедительно. Оттого что подобия и вправду находятся всюду: ум устроен искать сходства, и находит их без труда. Об этом — в книге о ментализме, в главе об общих местах.

И отчего это ненадёжно. Оттого же: подобие находится всегда, и потому не служит проверкой. Соответствие не различает связи действительной от воображённой; для различения нужно иное орудие, о чём в главе тридцать пятой.

Читающему полезно держать оба соображения разом: *соответствие есть богатый язык описания и негодное средство доказательства*.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Нисхождение человека

✵

Повесть о человеке в «Поймандре» есть сердцевина учения, и стоит изложить её как есть.

Человек сотворён умом-отцом по своему образу и потому прекрасен. Пройдя сферы правителей, он получил от каждой её силу. Наклонившись же через строение сфер, он увидел внизу свой облик, отражённый в природе, — и возлюбил его.

Природа, увидев любящего, обняла его, и они соединились. Оттого человек двойствен: *смертен по телу и бессмертен по существу*; связан судьбою через тело и свободен через ум.

Что означает эта повесть. Не грехопадение в обычном смысле: человек пал не по ослушанию, а по любви к собственному отражению. Причина падения — в обращении к образу вместо истока.

Что из неё следовало. Учение о возвращении: восхождение через те же сферы, при котором на каждой оставляется полученная от неё страсть, — о чём глава тринадцатая.

Заметим для читающего: повесть эта не повествует о прошлом, а описывает *устройство человека*. Оттого спорить о том, было ли это, значит не понять, о чём книга.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Возрождение души

Тринадцатый трактат Свода посвящён тому, что зовут возрождением, — и это самое ясное описание герметического пути.

Ученик просит наставника родить его заново; наставник отвечает, что рождается не тело, а иное в человеке, и что происходит это *по милости и внезапно*, а не по расчёту.

Двенадцать мучителей. Из человека изгоняются: неведение, печаль, невоздержность, похоть, неправда, корыстолюбие, обман, зависть, коварство, гнев, опрометчивость, злоба. На место их входят десять сил — познание, радость, воздержание, стойкость, правда, общение, истина, благо, жизнь, свет.

Что здесь существенно. Возрождение описано не как приобретение нового, а как *очищение от помех*: силы приходят сами, едва изгнаны мучители.

Как это узнаётся. Наставник говорит, что возрождённый видит не глазами и что о происшедшем нельзя рассказать — можно лишь узнать по себе. Отсюда и требование молчания, о чём глава шестнадцатая.

Заметим сходство устройства с обрядом перехода из книги о ритуале: отделение от прежнего, промежуток очищения, возвращение в новом качестве. Устройство это всеобще — и герметический путь не исключение.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Знание как спасение

Главное отличие этих книг от прочих учений своего времени: *спасает знание*.

Не жертва, не закон, не подвиг, а познание бога, мира и себя. «Познавший себя познал начало» — мысль эта повторяется в разных видах и роднит герметизм с гностическими учениями.

Что за знание. Не сведения и не учёность: тексты прямо противопоставляют своё знание книжному. Оно есть *перемена самого знающего* — то, что произошло с возрождённым в предыдущей главе.

Отсюда и склад текстов. Они не доказывают, а ведут: наставник задаёт вопросы, ученик возражает, наставник переводит его от одного видения к другому. Это устройство наставления, а не рассуждения.

Отсюда и опасность, о которой стоит сказать прямо. Учение, полагающее знание спасением, легко обращается в тщеславие знающих и в презрение к незнающим. Тексты предостерегают от этого сами — и, судя по истории, предостерегали не напрасно.

И отсюда же — вечная привлекательность герметизма для читателя: он обещает не веру, а *понимание*, и обращается к уму, а не к послушанию.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Судьба, звёзды и свобода

✷

Вопрос о судьбе решается в этих книгах двойственно, и двойственность эта существенна.

С одной стороны: семь правителей — планетные сферы — управляют рождением и телесною участью; человек, поскольку он телесен, подчинён им. Отсюда законность астрологии внутри учения.

С другой: человек причастен уму, а ум выше сфер. Оттого познавший себя *выходит из-под судьбы*: тело остаётся подвластным, а существо — нет.

Иначе говоря, звёзды правят тем, что человек претерпевает, и не правят тем, чем он становится. Формула эта, у Птолемея выраженная как «звёзды склоняют, но не принуждают», в герметизме получает более сильный вид: *знающий выходит из круга*.

Отсюда и назначение астрологии в этом учении. Она есть не гадание о неизбежном, а описание условий, в коих совершается восхождение, — знание местности, а не приговор.

И отсюда же различие с судьбой в обиходном смысле: *судьба здесь есть то, что действует, покуда человек не пробудился*. Пробуждение и есть предмет всех этих книг.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Молчание и передача

Всякий трактат Свода оканчивается одинаково: призывом к молчанию.

Наставник велит ученику не разглашать сказанное непосвящённым; ученик благодарит в молчании; и о самом главном говорится, что оно невыразимо словом.

Три причины молчания, изложенные в самих текстах. *Первая:* сказанное невеждам будет извращено. *Вторая:* слово не вмещает того, о чём речь. *Третья:* молчание само есть часть пути — в нём совершается то, чего не совершает рассуждение.

Устройство передачи. От наставника к ученику, устно, при готовности принимающего; книга же есть напоминание для прошедшего, а не наставление для постороннего. Оттого тексты темны: они писаны для тех, кому уже сказано.

Отсюда и трудность чтения их ныне. Мы читаем записки, предполагающие устное объяснение, которого нет. Всякое нынешнее толкование восполняет утраченное — и потому неизбежно прибавляет своё.

Заметим и оборотную сторону, о коей стоит помнить: *требование тайны есть удобное прикрытие для пустоты*. Учение, которое нельзя изложить и нельзя проверить, легко подделывается, — о чём в главе тридцать четвёртой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕЛАНИЕ

Во что обратилось учение о соответствии на деле:
алхимия и астрология, талисман и слово,
обряд, созерцание и ступени ученичества

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Алхимия как путь

Алхимия почитается герметическим искусством по праву: она прямо выводит своё делание из положения о соответствии.

Двойное чтение. Всякое алхимическое сочинение читается двояко: как описание работы с веществом и как описание работы над собою. Свинец, обращаемый в золото, есть и металл, и человек; печь есть и печь, и жизнь делателя.

Ступени делания известны по цветам: *нигредо* — чернота, разложение прежнего; *альбедо* — белизна, очищение; *рубедо* — краснота, соединение и завершение. Порядок этот повторяет устройство обряда перехода: отделение, промежуток, возвращение.

Отчего писали темно. Отчасти ради тайны, отчасти ради того, что описываемое двойственно и не укладывается в прямую речь; отчасти же — чтобы скрыть, что делатель сам не всегда понимал происходящее.

Что осталось. Из вещественной части выросла химия — со всеми её приёмами перегонки, возгонки и осаждения. Из внутренней — язык самопознания, коим пользуются доныне.

Подробнее об этом — в отдельной книге собрания; здесь довольно сказать, что *алхимия есть герметизм, приложенный к веществу и к себе разом*.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Астрология соответствий

✵

Второе герметическое искусство есть астрология, и в этом учении она занимает место не гадания, а *науки о связях*.

Устройство соответствий. Семь планет отвечают семи металлам, семи дням, семи областям тела, семи возрастам. Двенадцать знаков — двенадцати частям человека, месяцам, ветрам. Всё сущее размечено этими сетками.

Что это даёт. Единый язык, на котором говорят о несходном: о золоте и о сердце, о свинце и о печали, о меди и о влечении. Язык этот замечательно удобен для памяти и для поэзии.

Как этим пользовались. Для выбора времени — когда собирать траву, начинать дело, изготовлять талисман; для врачевания — по соответствию частей тела; для познания человека.

И честная оговорка, которая должна стоять здесь, а не в конце. Соответствия эти *назначены*, а не найдены: они разнятся у разных народов и школ. Никакое из них не подтверждено проверкою; действие же, наблюдаемое при их употреблении, объясняется тем, о чём сказано в книге о внушении.

Оттого разумное употребление таково: *как язык описания и как порядок работы*, а не как знание о будущем.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Талисман и образ

Из соответствия прямо выводится делание талисманов, и разработано оно подробнее прочего.

Устройство. Берётся вещество, отвечающее нужной планете; в надлежащий час изготовляется предмет с её знаком; при работе произносятся имена и слова; готовое носится или хранится.

Основание. Полагали, что подобное притягивает подобное: образ, устроенный по соответствию, притягивает силу, отвечающую ему в мире. «Асклепий» говорит об изготовлении богов, о чём в главе седьмой.

Фичино в пятнадцатом веке дал этому осторожное объяснение: талисман действует не как приманка духа, а как *средство настройки души* — образ, музыка и запах располагают человека к состоянию, отвечающему благотворной планете.

Объяснение это замечательно тем, что почти совпадает с нынешним: предмет действует на носящего, а не на мир. Это то же, что сказано о намагниченных вещах в книге о месмеризме, — *сила его в напоминании*.

Оттого и правило для делающего: *талисман есть знак намерения, носимый при себе*. Как знак он работает; как орудие власти над вещами — нет.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Имена и звучание

Герметические сочинения придают именам великое значение, и об этом сказано прямо в самих текстах.

В одном из трактатов Гермес просит не переводить его книги на греческий: сила речи египетской, говорит он, в самом звучании слов, и перевод её разрушит.

Отсюда обычай сохранять непереводимые имена и слова в заклинаниях: их выписывали как есть, не толкуя, и полагали, что действует самое звучание.

Отсюда же длинные вереницы имён в магических папирусах: греческих, египетских, еврейских, искажённых до неузнаваемости и оттого казавшихся особенно сильными.

Что здесь верно. Звучание и вправду действует — на произносящего: повторяемое слово сосредоточивает внимание, а непонятное отсекает рассуждение. Об этом — в книгах о внушении и о голосе.

Что неверно. Действие на вещи и на духов; и мысль, что имя выражает суть, — о чём подробно в книге об имени.

Оттого пользование именами в этом делании законно ровно в той мере, в какой оно есть *приём сосредоточения*, — и не более.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Обряд герметиста

Обряды в этих книгах описаны скупо, но устройство их узнаётся легко.

Место и час. Отделённое место, чистота, назначенное время — чаще на рассвете или в час, отвечающий планете дела.

Действия. Омовение, воздержание накануне, воскурение, обращение к четырём сторонам, произнесение имён, молчание в завершение. Гимн благодарения в конце «Поймандра» есть образец такого завершения.

Устройство то же, что описано в книге о ритуале: отделение от обыденного, промежуток сосредоточения, возвращение с новым состоянием. Ничего сверх этого в герметическом обряде нет.

Что делает обряд. Он не принуждает силы — он приводит делателя в состояние, в котором совершается созерцание. В этом отличие герметического обряда от заклинательной магии, где требуют и повелевают.

Правило меры, вытекающее из всей книги: *обряд служит созерцанию, а не заменяет его*. Тот, кто усложняет обстановку и не движется внутренне, занят убранством, а не деланием.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Молчание, дыхание, созерцание

Собственно упражнение герметиста излагается в трактатах намёками; соберём его по крупицам.

Молчание есть первое: не только неразглашение, но и остановка внутренней речи. О нём сказано в главе шестнадцатой; здесь довольно повторить, что оно почитается не приготовлением, а частью самого пути.

Дыхание. Прямых наставлений мало; но описания состояния — замедление, покой, ощущение расширения — отвечают тому, что достигается ровным долгим выдохом, о чём в книге о голосе.

Созерцание. Наставник велит ученику вообразить себя разом всюду: в воде, в воздухе, во всяком месте и во всяком времени, — и объять умом всё сущее. Упражнение это описано в одиннадцатом трактате и есть, быть может, самое замечательное место всего Свода.

Познание себя как основание: наблюдение за своими движениями, страстями и мыслями. Двенадцать мучителей из главы тринадцатой суть перечень для такого наблюдения.

Мера. Тексты предостерегают от поспешности и от гордости знанием; и говорят, что состояние приходит внезапно и не по заслуге. Правило же для упражняющегося просто: *малое ежедневно, а не великое однажды*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Толкование образов

✵

Всё герметическое чтение есть толкование: тексты говорят образами и требуют перевода. Здесь эта книга смыкается с книгою о герменевтике.

Правило соответствия. Образ читается через сетку соответствий: солнце — золото, разум, отец; луна — серебро, восприятие, мать. Читающий подставляет и получает смысл.

Опасность приёма. Соответствие даёт толкование всегда — и потому не отличает верного от произвольного. Один и тот же образ у разных толкователей значит разное, и спорить не о чем.

Проверка, принятая в самом предании. Толкование признаётся годным, если оно *согласуется с прочими местами* и *ведёт к деланию*: то есть если из него следует, что делать. Толкование, ничего не меняющее в работе, отбрасывается как празднословие.

Толкование сновидений в этом круге ведётся так же: не по соннику, а по соответствиям и по состоянию видевшего. Об этом — в книге о сне, где сказано и о пределах такого чтения.

И правило, годное для всякого читающего тёмные тексты: *держи два чтения разом* — буквальное и переносное, — и не отбрасывай первого. Прочитанное только иносказательно перестаёт быть прочитанным.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Ступени ученичества

Порядок обучения в этом предании нигде не изложен целиком; но по трактатам он восстанавливается.

Первая ступень: обращение. Человек замечает, что живёт неведением, и желает знать. Тексты называют это пробуждением и полагают, что оно приходит извне — от слова, от вестника, от случая.

Вторая: очищение. Изгнание мучителей из главы тринадцатой; воздержание, наблюдение за собою, отказ от лишнего.

Третья: учение. Беседы с наставником, чтение, усвоение соответствий — то, что в позднейших школах называли теорией.

Четвёртая: созерцание. Упражнение в молчании и в объятии умом целого; здесь и совершается возрождение, о коем сказано.

Пятая: передача. Возрождённый становится наставником — и с этой минуты связан обязанностью не разглашать невеждам и не удерживать готовых.

Заметим, что устройство это повторяет всякое ремесленное ученичество: ученик, подмастерье, мастер. И здесь, как и всюду, *переход подтверждается не самим учеником, а принимающими*, — о чём в книге о ритуале.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

✶

ИСТОРИЯ

Откуда взялись эти книги, как они пришли на Запад,
отчего им поверили и отчего перестали, —
и что явилось под их именем после

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Александрия

Место рождения этих книг известно: греко-римский Египет, преимущественно Александрия, первые века нашей эры.

Что там сошлось. Египетское жречество с его древностью и письмом; греческая философия — платоновская и стоическая; иудейская учёность; ранние христианские общины; звёздная наука вавилонян. Город был перекрёстком, и учения смешивались в нём непрестанно.

Отчего именем стал Гермес. Греки, придя в Египет, отождествили Тота со своим Гермесом. Приписать сочинение древнему мудрецу было делом обычным и не почиталось подлогом: имя означало не автора, а *предание*, к которому книга принадлежит.

Родня по времени. Гностические учения, неоплатоники, магические папирусы. Всё это одна среда, и герметические книги стоят среди них, а не особняком.

Что писалось. Учёные трактаты о боге и мире; и вместе с ними — наставления о травах, камнях и звёздах. Разделение на две ветви, о коем в главе первой, идёт отсюда.

Заметим для последующего: *тексты эти суть плод своего времени и своего города*. Это не умаляет их: то, что писано людьми и в определённом веке, вполне может быть глубоким.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Арабская передача

Латинский Запад забыл греческий язык, и путь герметических книг на несколько веков пролёг через восток.

Что было сохранено. Учёные книги переводились и переписывались на арабском; астрология и алхимия развивались далее собственными силами. Гермес почитался и там — иногда его отождествляли с пророком Идрисом.

«Изумрудная скрижаль» известна ныне прежде всего по арабским рукописям — в составе сочинения о тайне творения; оттуда она и перешла в латынь.

«Пикатрикс» — обширное руководство по звёздной магии и талисманам, составленное по-арабски и переведённое в тринадцатом веке при дворе Альфонса Мудрого. Книга эта питала всю позднейшую европейскую магию образов.

Что при этом произошло. Учение обогатилось и переменилось: прибавились приёмы, имена, расчёты. Предание не хранилось неизменным — оно *жило и прирастало*, как всякая живая передача.

Отсюда полезное правило чтения: *всякий герметический текст надлежит датировать*. Смешение слоёв разных веков и есть источник половины недоразумений в этом предмете.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Фичино и 1463 год

✵

Событие, определившее судьбу герметизма в Европе, известно с точностью до года.

Козимо Медичи, получив из Македонии греческую рукопись Герметического свода, велел Марсилио Фичино *отложить Платона*, которого тот переводил, и перевести сперва Гермеса. Старик хотел прочесть его прежде смерти.

Перевод был окончен в 1463 году и напечатан в 1471-м; за полтора века он выдержал два десятка изданий. Европа получила книгу, почитаемую древнее Моисея.

Отчего это так подействовало. Христианские читатели находили в ней согласие со своим учением — слово, творящее мир; сына божия; бессмертие души. Отсюда мысль о *древнем богословии*: будто истина была открыта язычникам до пророков и сохранена в этих книгах.

Что из этого выросло. Целое направление: соединение платонизма, герметизма и христианства; учёная магия, оправданная тем, что она есть познание божественного порядка; и особое место человека — творящего и восходящего.

Заметим, что вся сила этого движения покоилась на одном допущении: *что книги древни*. Допущение это простояло полтора века и рухнуло в один год, о чём глава двадцать девятая.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Магия Возрождения

Из перевода Фичино выросло всё, что зовут ренессансной магией; назовём главные имена.

Фичино писал о притяжении небесных влияний через музыку, запахи, образы и пищу — и настаивал, что его магия *естественна*: она не призывает духов, а настраивает душу.

Пико делла Мирандола прибавил к этому кабалу и в своей знаменитой речи о достоинстве человека объявил, что человек не имеет назначенного места и сам создаёт себя, — мысль, взятая прямо из герметического представления о человеке.

Агриппа Неттесгеймский составил три книги «Оккультной философии» — свод всего: соответствия, числа, имена, талисманы, обряды. Книга эта сделалась главным источником позднейшей магии и остаётся им доныне.

Джордано Бруно пошёл дальше всех: он читал герметизм как *религию* древнего Египта, лучшую христианства, и связал с ним своё искусство памяти, о коем сказано в отдельной книге. Кончил он костром в 1600 году — и по причинам, среди которых были и эти взгляды.

Заметим общее: *герметизм дал Возрождению высокое учение о человеке* — творящем, восходящем, причастном божественному уму. Этим он и повлиял более всего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Казобон и 1614 год

В 1614 году женевский учёный Исаак Казобон напечатал разбор, положивший конец древности Гермеса.

Чем он доказывал. Не рассуждениями о вере, а *языком*. Он показал, что греческий язык трактатов есть язык поздней эпохи, а не архаический; что в них встречаются понятия, которых не было прежде Платона; что они говорят о вещах, известных лишь в первые века нашей эры.

Вывод его: Герметический свод писан греками первых веков христианской эры, а не египетским мудрецом древности. Ныне относят эти тексты ко второму-третьему векам.

Что это переменило. Учёный герметизм как *древнее богословие* кончился. Мыслители, строившие на его древности, лишились основания; предание ушло из университетов в тайные общества и в алхимические кружки.

Что не переменилось. Сами тексты и их содержание. Позднейшая датировка не делает их ни глупее, ни мельче; она лишь ставит их в свой век и в свою среду.

И заметим, что работа Казобона есть образец того ремесла, коему посвящена вторая книга этой пары: *герменевтики, установившей время и подлинность текста*. Здесь эти две книги и сходятся.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Розенкрейцеры

Почти одновременно с разбором Казобона в Германии явились сочинения, породившие новое движение.

Что было напечатано. В 1614—1616 годах вышли три книги: «Слава братства», «Исповедание» и «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца». В них объявлялось о тайном братстве, основанном неким Христианом Розенкрейцем, обладающем всеобщим знанием и готовящем преобразование наук и веры.

Что вышло. Множество людей принялось искать братство и писать к нему открытые письма; братства не нашлось. Один из вероятных сочинителей, Иоганн Валентин Андреэ, позднее называл всё это *шуткою* — учёной игрой с серьёзным замыслом.

Что из шутки выросло. Настоящие общества, основанные позднее по образцу вымышленного; влияние на масонство; целая ветвь европейской эзотерики, живая доныне.

Случай этот поучителен и стоит запоминания: *предание может начаться с сочинения, объявленного вымыслом*, — и через век сделаться древностью в глазах последователей.

Об узнавании таких древностей — глава тридцать четвёртая.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ньютон и наука

Отношение герметизма к науке сложнее, чем говорят обе стороны спора; и лучший тому пример — Исаак Ньютон.

Что обнаружилось. После продажи его бумаг в двадцатом веке выяснилось, что Ньютон оставил алхимических и богословских рукописей больше, чем сочинений по механике. Он переписывал «Изумрудную скрижаль» и трудился над деланием десятилетиями.

Экономист Кейнс, купивший часть этих бумаг, сказал о нём: *последний из магов, а не первый из учёных*. Слова эти преувеличены, но указывают на важное.

Что отсюда следует. Не то, что алхимия верна, и не то, что Ньютон заблуждался. А то, что *разделение на науку и не-науку сложилось позже*: в семнадцатом веке одно ремесло переходило в другое без ясной черты.

Что герметизм дал науке. Приёмы лаборатории, вышедшие из алхимии; убеждение, что мир устроен по числу и подлежит познанию; и мысль о человеке, способном изменять природу, а не только созерцать её.

Чего не дал. Способа проверки. Именно она и отделила науку от предания — и об этом глава тридцать пятая.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Кибалион» и семь начал

Книга, известная ныне под именем герметической более прочих, есть сочинение начала прошлого века, и об этом надлежит сказать прямо.

Что это. «Кибалион» издан в Чикаго в 1908 году за подписью «Трёх Посвящённых»; ныне почти не спорят, что за нею стоит Уильям Аткинсон, плодовитый сочинитель книг о силе мысли, и его круг.

Что в ней. Семь начал: ментализм (всё есть ум); соответствие (как вверху, так и внизу); вибрация; полярность; ритм; причина и следствие; пол. Изложены они ясно, кратко и удобно для запоминания.

Чего в ней нет. Этих семи начал в таком виде нет ни в Герметическом своде, ни в «Скрижали», ни у арабов, ни у Фичино. Второе начало восходит к «Скрижали»; прочие сложены языком своего времени — века мысленных учений и духовного целительства.

Как к ней относиться. Как к *позднему изложению*, а не к древнему источнику. Она недурна собою: ясна там, где старые тексты темны, и оттого служит многим входом в предмет.

Правило же простое и обычное для этого собрания: *читать можно всё; выдавать одно за другое — нельзя*. Кто знает, что «Кибалион» написан в 1908 году, читает его с пользою; кто полагает его древним, будет обманут в главном.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

✶

ГРАНИЦА

Что установлено о древности этих книг, как узнают подделку,
где соответствие есть приём мысли, а где ошибка,
и чем герметизм отличается от герменевтики

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Что доказано о древности

Соберём то, что установлено, отделив от того, что предполагается и что утверждается без оснований.

Установлено. Герметический свод писан по-гречески, в первые века нашей эры, преимущественно во втором-третьем; язык, понятия и обстоятельства указывают на это согласно. Доказано это Казобоном и подтверждено с тех пор многократно.

Установлено и другое: в текстах есть египетская подкладка — обороты, образы и представления, восходящие к храмовой учёности. Оттого крайность обратного рода — «всё это чистая греческая выдумка» — тоже неверна.

Не установлено ни одной цепи преемства от Гермеса к позднейшим обществам; ни одного текста времён фараонов, отвечающего Своду.

Что это меняет. Отношение к *притязанию*, а не к содержанию. Книга, писанная во втором веке, есть свидетельство мысли второго века — и превосходное; книга, выдающая себя за древнейшую, есть иное дело.

Оттого честный порядок чтения таков: *сперва спроси, когда написано, и лишь потом — что написано*. Первое не отменяет второго, но избавляет от целого рода заблуждений.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые древности

Сочинений, выдающих себя за древние, в этом предмете больше, чем подлинных. Соберём приметы, по коим их узнают.

Язык своего времени. Тот самый признак, по которому работал Казобон: понятия и обороты, невозможные в объявленную эпоху. Древний текст не говорит о «вибрациях» и об «энергии».

Отсутствие рукописной истории. У подлинного текста есть списки, упоминания у современников, следы бытования. У поддельного — лишь рассказ о найденной и утраченной рукописи.

Слишком удобное согласие. Древность, подтверждающая в точности взгляды нашего века, подозрительна: подлинная древность всегда чужда и неудобна.

Ясность там, где ждёшь тёмности. Подделка обыкновенно яснее подлинника: сочинитель хочет быть понят.

Ссылка на тайную передачу вместо ссылки на источники.

Заметим и то, что подделка не всегда обман: имена древних ставили из почтения, а не для выгоды. Однако *читателю от этого не легче*, и различать он обязан сам, о чём глава тридцать восьмая.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Соответствие как приём и как ошибка

✵

Здесь главный вопрос всей книги: что такое учение о соответствии — способ познания или способ обмануться.

> Соответствие находится всегда — и потому не отличает связи действительной от воображённой.

Отчего оно всегда находится. Ум устроен искать сходства и находит их между чем угодно: между планетой и металлом, числом и днём недели, буквой и стихией. Об этом — в книге о ментализме и в книге об ошибках рассуждения.

Чем оно полезно. Как *язык*: даёт способ говорить о несходном единым словарём. Как *память*: сетка соответствий есть превосходное хранилище, о чём в книге об искусстве памяти. Как *толчок к догадке*: подобие подсказывает, где искать.

Чем негодно. Как доказательство. Из того, что золото и солнце сходны по цвету и по достоинству, не следует ничего о золоте.

Чем отличается наука. Не тем, что отвергает подобия, а тем, что *проверяет* их: догадка, не выдержавшая проверки, отбрасывается. В предании же не отбрасывается ничего, и оттого оно копит, а не движется.

Отсюда честная мера: *соответствие есть орудие мысли и памяти, а не орудие знания о мире*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Чего герметизм не может

✵

Соберём пределы прямо, без обиняков.

Он не даёт власти над веществом. Ни превращения металлов, ни продления жизни составом; работа алхимиков дала химию, а не золото.

Он не предсказывает. Астрология соответствий не подтверждена ни одной строгой проверкой; о разборе таких проверок сказано в книгах о внушении и об ошибках рассуждения.

Он не действует на других. Талисман работает на носящего; имя — на произносящего; обряд — на участвующих. Всё, что наблюдается, объясняется ожиданием и сосредоточением.

Он не есть тайное знание древних, утраченное и вновь обретённое: у него есть время, место и язык.

И он не заменяет ремесла. Ни врачевания, ни счёта, ни труда. Тот, кто ищет в нём замену делу, потеряет и дело, и время.

Что же он даёт? *Язык для разговора о целом, порядок внутренней работы и учение о человеке как о причастном уму.* Этого немало — и это всё.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Герметизм и герменевтика

Два слова, схожие по звучанию и различные по существу; смешение их так распространено, что заслуживает отдельной главы.

Общее у них — имя Гермеса, и только. Герметизм назван по Гермесу Трижды Величайшему, греко-египетскому мудрецу; герменевтика — по Гермесу-вестнику, переносившему слова богов *людям*, то есть *толковавшему*.

Герметизм есть учение: о едином, о соответствии, о восхождении. Он говорит, *каков мир*.

Герменевтика есть ремесло: искусство понимать сказанное и написанное. Она говорит, *как читать*, и приложима равно к священной книге, к закону, к письму и к герметическому трактату.

Где они встречаются. В чтении тёмных текстов. Герметическая книга требует толкования — и тут вступает герменевтика с её правилами: круг части и целого, контекст, жанр, различение буквального и переносного.

Оттого эти две книги и написаны парою. *Первая говорит, что читать; вторая — как*. И вторая полезна независимо от того, принимает *ли* читатель учение первой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила читающего

Соберём правила для того, кто берётся за эти тексты, — будь он последователь или любопытствующий.

Датируй. Прежде чтения узнай, когда написано и кем издано. Смешение слоёв разных веков — источник половины заблуждений.

Читай текст, а не пересказ. Свод и «Скрижаль» коротки; пересказы длиннее подлинника и обыкновенно говорят о пересказчике.

Держи два чтения. Буквальное и переносное; не отбрасывай первого ради второго.

Не подставляй нынешних слов. «Энергия», «вибрация», «поле» в старых текстах не значатся; подставляя их, читаешь себя.

Проверяй толкование. Годным считается то, что согласуется с прочими местами и ведёт к деланию; прочее есть празднословие.

И не превращай знание в достоинство. Учение, полагающее спасение в знании, легко родит презрение к незнающим; тексты сами предостерегают от этого, и предостерегали не напрасно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила упражняющегося

✵

Из правила для того, кто берёт из этого предания не чтение, а работу над собою.

Малое ежедневно. Четверть часа молчания и наблюдения стоят больше, чем ночное бдение раз в месяц. Постоянство здесь, как и во всех книгах собрания, дороже усердия.

Начинай с наблюдения. Двенадцать мучителей из главы тринадцатой суть готовый перечень для дневника: замечать за собою прежде, чем исправлять.

Обряд служит работе. Убранство, вещи и слова хороши, покуда они вводят в состояние; едва они стали предметом заботы сами по себе — работа кончилась.

Не жди чудес и не ищи знаков. Ожидание знамений обращает наблюдение в самообман: подтверждения найдутся всегда, о чём в книге об ошибках рассуждения.

Не отменяй врача и ремесла. Ни созерцание, ни талисман не лечат и не кормят.

И не учи, не проверив себя. В этом предании легко сделаться наставником на словах; проверка проста и стара: *переменилось ли что-нибудь в том, как ты живёшь*.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: единство и мера

✷

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Герметизм есть свод греко-египетских книг первых веков и выросшее из них европейское предание. Он стоит на трёх положениях: *единство* сущего, *соответствие* верхнего и нижнего, *ум* как основание мира.

Из первого вышло учение о восхождении; из второго — алхимия, астрология и талисман; из третьего — убеждение, что знание преображает знающего, и высокое учение о человеке, коим этот свод и повлиял на Европу более всего.

История его двойственна: полтора века он почитался древнее Моисея — и рухнул от разбора языка в 1614 году. Тексты от этого не стали хуже; переменилось лишь их *притязание*.

Соответствие, главное его орудие, есть богатый язык описания и негодное средство доказательства: подобие находится всегда, и потому ничего не проверяет.

И последнее. *Читать эти книги стоит, зная их век*; работать по ним стоит, зная их пределы. Кто держит то и другое, получит язык для разговора о целом и порядок для работы над собою — и не потеряет ни разума, ни времени.

✷

ГЕРМЕТИЗМ

Единство, соответствие и мера

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм